

8. Дейк, Т. А. ван К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. А. ван Дейк // Психологическая сеть российского Интернета. – 1998. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>. – Дата доступа: 13.10.2024.

9. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. трудов / под ред. В. И. Карасика [и др.]. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.

10. Фролов, М. Е. Телевизионный дискурс информационно-аналитических программ (на материале программ криминально-правовой тематики НТВ): автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / М. Е. Фролов ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2004. – 21 с.

11. DeVito, J. A. Essentials of human communication / J. A. DeVito. – Boston : Pearson / Allyn and Bacon, 2006. – 404 p.

12. Рыбка, К. В. Персуазивность как универсальная стратегия дискурса СМИ : экспрессивное воздействие на адресата: дис. ... на соиск. степ. магистра : 10.02.40 / К. В. Рыбка. – Минск, 2019. – 86 л.

13. Wimmer, R. D. Mass Media research : an introduction / R. D. Wimmer, J. R. Dominick. – 4th ed. – California : Wadsworth Pub. Co., 1994. – 520 p.

14. Ларина, Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса : на материале американских телевизионных программ: автореф. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Е. Г. Ларина ; Волг. гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – 24 с.

15. Князев, А. А. Основы тележурналистики и телерепортажа / А. А. Князев. – Бишкек : Изд-во КРСУ, 2001. – 160 с.

16. Кузнецов, Г. В. Телевидение и общество / Г. В. Кузнецов // Телевизионная журналистика : учеб. пособие / Г. В. Кузнецов. – 4-е изд. – Москва : Высшая школа, 2002. – С. 10–15.

УДК 811'42:003.071

М. С. Захарова

ЭПИГРАФ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Настоящая статья посвящена анализу теоретических аспектов изучения эпиграфа художественного текста. Дается определение понятия «эпиграф», рассматриваются основные теории и подходы,

в рамках которых осуществляется изучение данного литературного феномена, проводится классификация имеющегося объема научных знаний по вопросам изучения эпиграфа по проблематике проводимых исследований.

Ключевые слова: *эпиграф, цитата, текст-источник, паратекст, паратекстуальный элемент, прецедентный текст.*

Традиционно полагают, что слово «эпиграф» произошло от греческого слова *epigraphe*, которое в период античности употреблялось для обозначения надписи на памятнике или здании.

Энциклопедические и справочные издания относят появление эпиграфа как литературного феномена к эпохе позднего Возрождения, но обращают внимание на тот факт, что «широкое распространение эпиграф получает только в начале XIX века в произведениях писателей-романтиков» [1, с. 851].

Одно из первых определений понятия «эпиграф» содержится в «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова, в котором эпиграф определяется как «одно слово или изречение, в прозе или стихах, взятое у какого-либо известного писателя или свое собственное, которое помещают авторы в начале своих сочинений и тем дают понятие о предмете оных» [2].

В современной отечественной справочной литературе распространены толкования эпиграфа как “нейкай цытаты, крылатых слоў, што ставяцца пасля загалова і асобным раздзелам і выяўляюць яго змясцовую сутнасць” [3, с. 107], “выслоўя (або цытаты), што змяшчаецца перад творам або перад асобным раздзелам, у якой аўтар раскрывае сваю задуму, ідэю твора ці яго часткі” [4], “цытаты або выслоўя, што змяшчаецца перад тэкстам твора і з’яўляецца своеасаблівым ідэйна-сэнсавым ці эмацыянальна-эстэтычным ключом да яго” [5].

Особая позиция эпиграфа в тексте произведения, его цитатная природа и способность отражать идейно-тематическое содержание произведения подчеркиваются в ряде других определений эпиграфа, содержащихся в русскоязычных энциклопедических и справочных изданиях, при этом определения эпиграфа могут быть более расширенными и дополняться сведениями различного характера, например, в отношении источников заимствования эпиграфов.

В некоторых справочных изданиях эпиграф определяется как «короткий текст, помещаемый автором произведения перед текстом сочинения или его частью и представляющий собой цитату из какого-либо

авторитетного для него источника-произведения художественной литературы, народного творчества, изречений» [6] или «короткий текст, состоящий из крылатого высказывания или небольшой цитаты, взятой из какого-нибудь *пространного* текста (религиозного, фольклорного, литературного, публицистического)» [7].

Указания на то, что в качестве источников происхождения эпиграфов могут выступать тексты самого разного характера (афористика, произведения художественной литературы, сакральная литература, устное народное творчество, официальные документы, мемуары, автоцитаты и др.), содержатся во многих существующих определениях эпиграфа [1; 8].

Приведенные определения могут дополняться описанием характера отношений эпиграфа с текстом произведения, подчеркивая, что эпиграф в большинстве случаев «выполняет роль экспозиции или разъясняет предваряемый им текст, но часто сам нуждается в пояснении» [9, с. 374].

В случае наличия в тексте нескольких эпиграфов отмечается, что каждый из них может быть по-разному связан с основным текстом, а отношения между эпиграфами приобретают дополнительные оттенки, когда сами эпиграфы «перекликаются, дополняют, подхватывают и вступают в состязание друг с другом» [7, с. 834].

Распространенным в энциклопедических источниках является мнение о том, что эпиграф «способствует восприятию текста читателем, указывает последнему путь интерпретации текста, сужает диапазон его возможных истолкований, при этом не ограничивает и не предполагает одного варианта» [9, с. 374], но «может таить в себе опасность прямолинейного истолкования основной мысли произведения» [6].

В некоторых справочных изданиях акцентируется интертекстуальная природа или «предельная интертекстуальность эпиграфа», которая проявляется в его способности «открывать внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых связей разных направлений и эпох, наполняя и раскрывая, тем самым, внутренний мир произведения» [9, с. 375], и в способности «связывать вновь созданное произведение с источником цитаты, подключая его к определенной литературной традиции и выступая средством литературной полемики» [1, с. 852].

К приведенным определениям эпиграфа могут быть добавлены определения, которые встречаются в работах исследователей, рассматривающих данное литературное явление с позиций различных научных дисциплин, подходов и теорий. В семиологических исследованиях

художественного эпиграфа распространено его понимание как «языкового (коммуникативного) знака» с присущими ему в силу знаковой природы синтаксическими, семантическими и прагматическими характеристиками» [10, с. 6].

С концепцией диалогизма М. М. Бахтина, обозначившей структурную неоднородность текста с точки зрения «соприсутствия» в нем «своих» и «чужих» высказываний, связано толкование эпиграфа как цитаты или «чужого слова», а также определение эпиграфа как элемента диалогического построения художественного текста, основным назначением которого становится «введение в произведение дополнительной точки зрения или смысловой позиции» [11, с. 60].

Теория интертекстуальности, возникшая на основе диалогического учения М. М. Бахтина и трансформированная французским теоретиком Ю. Кристевой в теорию межтекстовых взаимодействий, приводит к рассмотрению эпиграфа как интертекстуального элемента.

Результатом попыток систематизации и типологизации интертекстуальных элементов и межтекстовых связей между ними, наиболее известной из которых признается классификация французского литературоведа Ж. Женетта (интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитектстуальность), становится определение эпиграфа как паратекстуального элемента.

Термин «паратекст» (от греч. *para* – «возле, при») используют как обобщенное название для обозначения совокупности так называемых рамочных / околотекстовых / периферийных / факультативных элементов или образований, сопровождающих художественное произведение, к которым, наряду с предисловием, посвящением, заглавием, послесловием и примечаниями, относят и эпиграфы.

Паратекстовые элементы традиционно рассматривают как часть структуры произведения, «систему авторского комментария», основным назначением которых считают «экспликацию позиции автора» [12, с. 6], «управление восприятием читателя» [13, с. 395], «формирование и изменение оценки текста читателем» [14, с. 7]. Отмечают, что паратекст «придает художественному произведению завершенность и стимулирует чтение основного текста» [15, с. 6], «способствует адекватному прочтению произведения» [16, с. 101], «оказывает влияние на читателя в явной или скрытой форме» [17, с. 11].

С позиций герменевтики (теории толкования и интерпретации текстов) эпиграф трактуется как герменевт или носитель смысла, «субъект и объект герменевтической интерпретации» [18, с. 88]. Исходя из постулата философской герменевтики о том, что смысл

не существует в «готовом» виде, а конструируется исключительно в процессе интерпретации, герменевтическое понимание эпитафиа представляет как результат процесса интерпретации всей системы выражаемых эпитафиами эксплицитных и имплицитных смыслов.

В рамках лингвокультурологических исследований изучение эпитафиа соотносится с исследованием общей специфики функционирования прецедентных текстов, а также присущего любому прецедентному тексту ценностного компонента. Поскольку источниками происхождения эпитафиа выступают, как правило, прецедентные тексты, а ценностный компонент всякого прецедентного текста является социально обусловленным, то эпитафиа с лингвокультурологической точки зрения определяется как «репрезентант нормативно-ценностной системы определенного лингвокультурного сообщества» [19, с. 8].

Помимо рассмотрения различных научных подходов и теорий, с позиций которых осуществляется изучение эпитафиа, представляется целесообразным проведение анализа имеющегося объема научных знаний по вопросам изучения эпитафиа художественного текста по проблематике проводимых исследований, включая изучение присущих эпитафиау структурных, семантических и функциональных признаков на материале текстов разной жанровой принадлежности, а также на материале разных языков.

Структурные характеристики эпитафиа редко выступают самостоятельным предметом изучения, а изучаются преимущественно аспектно в рамках проведения более масштабных исследований эпитафиа (А. Г. Храменков, Н. А. Кузьмина, И. Г. Тимакова). Результатом исследования структурных свойств эпитафиа является наличие многочисленных структурных классификаций, отображающих изучение данного явления по различным критериям, таким как позиция в композиционной структуре произведения (текстовые и субтекстовые), принадлежность к одному или разным языкам (одноязычные и разноязычные), ритмическая организация (стихотворные и прозаические), формально-грамматическая структура (определенные структурные типы для поэтических и прозаических эпитафиа), степень структурной завершенности (структурно-завершенные и структурно-незавершенные), наличие / отсутствие формальной связи с текстом-источником (наличие отсылки, тип отсылки, тип источника).

В отличие от структурных, семантические характеристики эпитафиа в большинстве случаев выступают в качестве самостоятельного предмета исследований и получают отражение в ряде научных работ (Е. М. Цуканова, А. Г. Храменков, Н. А. Кузьмина, Е. А. Козицкая,

И. Г. Тимакова, В. С. Ларкин и др.). Изучение семантических свойств эпиграфа основывается на положении о многоуровневости семантики эпиграфа, означающей, что смысл эпиграфа синтезируется в процессе рассмотрения и анализа сложной системы отношений эпиграфа как с системой произведения, в которой он функционирует, так и с текстом, из которого он был заимствован. Данное положение обуславливает основные направления семантических исследований эпиграфа, включающие изучение характера отношений между эпиграфом и вводимым им текстом произведения (отношения семантического согласования или рассогласования), установление типов семантической связи между ними (эксплицитный и имплицитный типы семантической связи), а также языковых средств и форм выражения обозначенных типов семантической связи.

Исследования функциональных возможностей эпиграфа составляют достаточно высокий процент от общего количества исследований эпиграфа и представлены в работах многих ученых (И. В. Арнольд, И. В. Кошкин, Н. А. Кузьмина, И. Г. Тимакова, А. Г. Храменков, О. В. Половцева, Л. И. Загорщикова, О. А. Толстых, Е. Н. Попова и др.). Результатом изучения функциональных свойств эпиграфа является выделение свыше двадцати функций, которые эпиграф реализует в художественном произведении. Однако следует отметить отсутствие работ комплексного характера, позволяющих систематизировать и конкретизировать многоаспектную, разностороннюю информацию по данному вопросу и в полном объеме описать функциональное своеобразие эпиграфа.

Общепринятым и не вызывающим сомнений в отношении функциональных характеристик эпиграфа художественного текста выступает положение о полифункциональной природе эпиграфа, проявляющейся в его способности реализовывать в процессе функционирования в произведении одновременно несколько функций.

Таким образом, анализ научной литературы по вопросам изучения эпиграфа художественного текста позволяет сделать вывод, что эпиграф представляет собой сложное и многогранное явление, а диапазон возможных направлений его исследования достаточно широк и разнонаправлен.

Список использованной литературы

1. Ламзина, А. В. Рама произведения / А. В. Ламзина // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 848–853.

2. Остолопов, Н. Ф. Эпиграф / Н. Ф. Остолопов // Словарь древней и новой поэзии : в 3 ч. / сост. Н. Ф. Остолопов. – Спб., 1821. – Ч. 1. – С. 398.

3. Рагойша, В. П. Літаратурнаўчы слоўнік : тэрміны і паняцці : для школьнікаў і абітурыентаў / В. П. Рагойша. – Мінск : Нар. асвета, 2009. – 303 с.

4. Эпіграф // Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мінск, 2002. – С. 775.

5. Эпіграф // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 1987. – Т. 5. – С. 478.

6. Гришунин, А. Л. Эпиграф / А. Л. Гришунин // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. П. А. Николаева, В. М. Кожевникова. – М., 1987. – С. 511.

7. Красовский, В. Е. Эпиграф / В. Е. Красовский // Большая литературная энциклопедия для школьников и студентов / под общ. ред. В. Е. Красовского, А. В. Леденева [и др.]. – М., 2004. – С. 833–834.

8. Новиков, В. И. Эпиграф / В. И. Новиков // Энциклопедический словарь / редкол.: Г. П. Бердников (отв. ред.) [и др.]. – М., 1988. – С. 392–393.

9. Сковородников, А. П. Эпиграф / А. П. Сковородников // Энциклопедический словарь–справочник : выразительные средства русского языка / под ред. А. П. Сковородникова. – М., 2005. – С. 374–375.

10. Храмченков, А. Г. Роль эпиграфа в семиотической организации англоязычного художественного прозаического текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Г. Храмченков ; Минск. гос. пед. ин-т ин. яз-в. – Минск, 1983. – 20 с.

11. Кузьмина, Н. А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста / Н. А. Кузьмина // Вестн. Омск. ун-та. – 1997. – Вып. 2. – С. 60–63.

12. Толчеева, К. В. Семантико-структурные и функциональные особенности паратекста в модернистской и постмодернистской драматургии (на материале французского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / К. В. Толчеева ; Воронежск. гос. ун-т. – Воронеж, 1994. – 22 с.

13. Арнольд, И. В., Дьяконова, Н. Я. Авторский комментарий в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» / И. В. Арнольд, Н. Я. Дьяконова // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка. – 1985. – № 5. – С. 393–405.

14. Меламедова, Е. А. Паратекстовые элементы в англоязычной научной и научно-популярной литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. А. Меламедова ; Поволж. гос. социально-гуманитарная академия. – Самара, 2009. – 22 с.

15. Викулова, Л. Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л. Г. Викулова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2001. – 29 с.

16. Иванов, К. И. Когнитивные функции паратекстовых элементов (на примере текстов болгарской литературы XIX века) / К. И. Иванов // Когнитивная лингвистика конца XX века : мат. Междунар. науч. конф., 7–9 окт. 1997 г. : в 3 ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1997. – Ч. 3. – С. 101–103.

17. Чернигова, И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И. В. Чернинова ; Иркутск. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2006. – 20 с.

18. Арнольд, И. В. Герменевтика эпитафа / И. В. Арнольд // *Hermeneutics in Russia*. – 1998. – Vol. 1. – P. 88–94.

19. Цуканова, Е. М. Семантическая связь эпитафа с текстом : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / Е. М. Цуканова ; Орловск. гос. ун-т. – Орел, 2003. – 26 с.

УДК 81'373.612.2:398.92(=133.1)

С. Н. Колоцей

К ВОПРОСУ О НАИБОЛЕЕ ПРОДУКТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПАРЕМИЙ

Данная статья посвящена вопросу о наиболее распространенных сложных конструкциях в системе французских паремий. Рассматриваются паремии со структурой сложноподчиненного предложения с придаточными подлежащими. Отмечается тенденция к размещению придаточной части с местоимением “qui” преимущественно в препозиции, избирательность синтаксических средств, выражение однотипных отношений с помощью однотипных средств, что соответствует композиционному строению этих структур, связанному с принципиальными установками прагматической направленности.